

*Как война с наркотиками способствовала
милитаризации полиции, так теперь война
с терроризмом форсирует сбор полицейской
разведывательной информации, и личная
жизнь миллионов американцев находится
под угрозой.*

Адам Бейтс
Институт Катона

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	11
Идеальная архитектура контроля	
1	
ТЕХНОЛОГИЯ И ДЕМОКРАТИЯ	19
Какой объем государственного надзора и контроля вы готовы терпеть во имя общественной безопасности?	
2	
РАСШИРЕНИЕ ПЛАТФОРМЫ	54
«Все равно Facebook и WhatsApp шпионят за нами, — сказал он, поднимая смартфон. — Конфиденциальность умерла».	
3	
СЛЕДИМ ДРУГ ЗА ДРУГОМ	95
Все честные магистраты должны быть крайне заинтересованы в том, чтобы их дела рассматривались открыто и обсуждались публично.	

4		
РАЗМЫВАНИЕ ЦЕЛИ		138
<p>Вы можете сколько угодно говорить мне, кто вы такой. Но дайте мне свой телефон на пятнадцать минут, и я скажу вам, кто вы на самом деле.</p>		
5		
КОНЕЦ АНОНИМНОСТИ		170
<p>История слежки — это история злоупотреблений мощными системами наблюдения.</p>		
6		
НЕБЕСНОЕ ОКО		207
<p>Там, где руководители правоохранительных органов видят прекрасный новый инструмент для борьбы с преступностью и повышения общественной безопасности, часть общественности видит потенциал для массового вторжения в частную жизнь.</p>		
7		
СЕТЬ РАСШИРЯЕТСЯ		228
<p>При виде человека с монитором на лодыжке публика не говорит: он невиновен. Все спрашивают: что он совершил?</p>		
8		
ЧЕРНЫЙ ЯЩИК ПРАВОСУДИЯ		246
<p>В расово стратифицированном мире любой метод прогнозирования проецирует неравенство прошлого в будущее.</p>		
9		
КИТАЙСКАЯ ПРОБЛЕМА		271
<p>Сейчас мы можем получить совершенную архитектуру контроля. Какие демократические практики нам нужны, чтобы мы не стали Китаем?</p>		

10	
ОКЛЕНДСКОЕ РЕШЕНИЕ	305
Мы только начали проявлять себя.	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	326
Повод для оптимизма.	
БЛАГОДАРНОСТИ	336
ПРИМЕЧАНИЯ	340
ОБ АВТОРЕ	365

ПРОЛОГ

Идеальная архитектура контроля

Иногда будущее раскрывает себя как настоящее.

10 февраля 2020 года я летел из Нью-Йорка в Лас-Вегас. Президентская кампания началась всерьез. Как корреспондент The Economist в Вашингтоне и соведущий нашего нового американского политического подкаста «Сдержки и противовесы», я почти каждую неделю ездил по стране и освещал предвыборную кампанию — с первых дней нового года и до тех пор, пока COVID-19 не захлопнул все на свете. Неделей раньше я был в Нью-Гемпшире, а еще до этого в Айове, и собирался провести три дня в Неваде, а затем пять в Южной Каролине, ненадолго заскочив перед этим домой, чтобы постирать одежду и убедиться, что жена и дети все еще узнают меня в лицо и не поменяли замки.

Внутренние и международные рейсы «Дельты» отправляются из одного и того же терминала в аэропорту Кеннеди. Почти у всех выходов на посадку висели плакаты с рекламой терминалов распознавания лиц от компании «Дельта» — вертикальные синие экраны с контуром лица, вписанного в четыре угла видеоискателя цифровой камеры.

Над картинкой красовался лозунг: «Один взгляд — и ты в деле». Надпись на баннере чуть ниже гласила: «Теперь вы можете проходить на посадку с помощью Delta Biometrics, нового способа удобной навигации по аэропорту». А в самом низу, на уровне ног, мелким шрифтом: «Посадка с использованием технологии распознавания лиц не является обязательной. Пожалуйста, при возникновении любых вопросов или для прохождения альтернативных процедур обратитесь к сотруднику. Посетите delta.com, чтобы ознакомиться с нашей политикой конфиденциальности».

Месяцев за восемь до этого я летел в Кито и проходил на посадку через биометрический терминал «Дельты» в Атланте. Это была странная новинка: обычные камеры наблюдения не работали, и большинство пассажиров нашего рейса, включая меня, шли мимо камер распознавания лиц, а потом бортпроводник проверял наши билеты. Но система, видимо, работала достаточно хорошо — или скоро будет работать достаточно хорошо — для того, чтобы «Дельта» запустила ее агрессивную рекламу. Я замечал выходы на посадку с распознаванием лиц в Миннеаполисе и Детройте. В конце 2019 года «Дельта» объявила, что установит терминалы в Солт-Лейк-Сити. Около 93% клиентов проходят процедуру без проблем, говорится в пресс-релизе «Дельты», а 72% предпочитают ее стандартной посадке.

Признаки амбиций авиакомпании «Дельта» можно найти в нижнем тексте баннера, где упоминается не только посадка, но и возможность *удобной навигации по аэропорту*. И действительно, в пресс-релизе компании рекламировалось *распознавание лица от порога до выхода на посадку*: вы можете использовать свое лицо, чтобы зарегистрироваться на рейс, сдать багаж, пройти контроль безопасности и сесть в самолет. Все очень удобно. Если вы прилетели из-за границы, у авиакомпаний уже есть ваша паспортная

фотография — либо в их собственной базе данных, либо в базе Таможенно-пограничной службы.

Мое отношение к этой программе очень ясное: я отказываюсь от нее. Надеюсь, после прочтения этой книги вы поступите так же. Распознавание лиц ставит под угрозу наши гражданские свободы. Пользуясь им добровольно, вы превращаете его в нечто повседневное. Чем чаще вы сами выбираете эту систему, тем чаще она будет применяться такими способами и в таких местах, которых вы никогда бы не выбрали. Всякий раз, когда у вас есть шанс уклониться от ее прохождения, вы должны им пользоваться: необходимо сделать все возможное, чтобы замедлить распространение систем распознавания лиц.

После того как я разместил в интернете фотографию этого рекламного баннера, один мой друг заметил, что «Дельта» хотя бы предоставляет пассажирам выбор. Этот друг летел рейсом «Сингапурских авиалиний» в Токио, и его обязали пройти на борт через терминал распознавания лиц. Это было относительно ново: до июля 2017 года я работал в Сингапуре по заданию The Economist и по несколько раз в месяц летал этими авиалиниями. Тогда они не использовали систему распознавания лиц. Будущее — уже сегодня.

Приземлившись в Лас-Вегасе, я увидел сообщения от нескольких друзей. Они спрашивали, что я думаю о сегодняшнем выпуске The Daily, ежедневного новостного подкаста «Нью-Йорк таймс». По их совету я послушал подкаст, пока ехал с одной встречи на другую. Это была аудиоверсия ужасающей истории, которую за пару недель до этого раскрыла Кашмир Хилл¹. Уже около десяти лет Хилл пишет о технологиях и защите данных. Она проникательный, вдумчивый и интересный писатель и потрясающий репортер — одна из немногих, чьи истории со временем становятся не только длиннее, но и лучше.

Этот конкретный материал касался небольшой компании под названием Clearview AI, которая разработала приложение для распознавания лиц. Пользователь делает снимок любого встречного и загружает в приложение, а система сообщает, кто изображен на фотографии. При этом используется база данных фирмы Clearview, содержащая более трех миллиардов изображений из общедоступных источников, в том числе с YouTube и других широко используемых ресурсов — в семь с лишним раз больше, чем в базе ФБР.

Иными словами, если вы американец, вероятность, что вы находитесь в базе данных, доступной для ФБР, — один к двум. Если живете в стране первого мира, скорее всего, находитесь в Clearview. Любой, у кого есть приложение Clearview на телефоне, может за несколько секунд узнать, кто вы такой. Проведав несложный поиск, он выяснит гораздо больше: адрес, работодателя, имена друзей и членов семьи — в общем, получит любую информацию о вас, которая может находиться в интернете.

Пока я это пишу, приложением Clearview пользуются сотни правоохранительных органов, а также некоторые частные компании (Clearview отказался сообщить, какие именно), в том числе инвесторы этой фирмы и их друзья. Например, магнат продуктовой сети Джон Кациматидис случайно увидел свою дочь на свидании с неизвестным парнем². Джон попросил официанта сфотографировать парня и затем прогнал фото через Clearview. Через несколько секунд приложение сообщило ему, с кем обедает его дочь, — незнакомец оказался венчурным капиталистом из Сан-Франциско. Кроме того, Кациматидис использовал эту систему в своих магазинах для выявления воров, которые крали мороженое. («Люди воровали наши Haagen-Dazs, — жаловался он. — Это была большая проблема».)

Полицейским нравится система Clearview: по их словам, она помогает быстро идентифицировать подозреваемых. Но такое удобство не должно определять ценность или законность продукта. Есть много вещей — например, бессрочное содержание под стражей без предъявления обвинения или отмена habeas corpus, — несовместимых с таким свободным и открытым обществом, которое облегчило бы работу правоохранительных органов.

Хотя основными клиентами Clearview сегодня являются полицейские, ничто не мешает компании продавать это приложение всем, кто хочет его купить. И похоже, основатель фирмы, которая была одним из первых инвесторов Clearview, смирился с такой возможностью. Он сказал Кашмир Хилл: «Я пришел к выводу, что, поскольку информации становится все больше, конфиденциальности не будет никогда. Законы должны определять, что является допустимым, но запретить технологии невозможно. Конечно, они могут привести к мрачному будущему или чему-то подобному, но запретить их не получится». Предполагаю, если технологии, создающие мрачное будущее или что-то подобное для всех на свете, обогащают автора этого высказывания — пусть уж будет мрачное будущее.

Facebook* и другие социальные сети запрещают веб-скрейпинг своих изображений, но Clearview все равно этим занимается. Эрик Шмидт, бывший исполнительный директор Google, в 2011 году сказал, что распознавание лиц было единственной технологией, созданной Google, и, посмотрев на нее, компания решила остановиться, потому что такие технологии могут использоваться *очень плохо*³.

Основатель Clearview Хоан Тон-Тат не выказывал подобных сомнений. В «Дейли» он не казался плохим, но его

* Принадлежит организации Meta, которая признана экстремистской на территории РФ.

слова звучали самодовольно, грубо и равнодушно. По словам Хилл, она спросила Тон-Тата о последствиях создания технологии, которая возвестила бы конец общественной анонимности, и он ответил: «Мне придется над этим подумать». Логично было подумать заранее, но Тон-Тат, по-видимому, не видел для этого оснований.

Сегодня от прихотей таких людей, как Тон-Тат, зависят наша частная жизнь и многие гражданские свободы. Я уверен, что Марк Цукерберг, сидя в своей комнате в общежитии Гарварда, вовсе не мечтал создать платформу, которая помогла бы России подорвать американскую демократию, но сделал он именно это. Скорее всего, он мечтал построить что-то великое и изменить мир — добиться успеха, оставить свой след. Это он тоже сделал. И сегодня несет фидуциарную ответственность перед своими инвесторами за максимизацию их прибыли. Перед остальными людьми у него нет таких обязательств. Если наши гражданские свободы ставят под угрозу прибыль бизнесов, торгующих технологиями слежки, предприниматели вольны всякий раз выбирать прибыль.

Причина не в том, что они плохие люди. В конце концов, даже руководители крутых зеленых компаний, таких как Burt's Bees и Tom's of Maine (ныне дочки компаний Clorox и Colgate-Palmolive), тоже больше заботятся о максимизации прибыли, чем о гражданских свободах незнакомцев. Но технология Clearview AI и — в более широком смысле — паноптические возможности современных технологий слежки в сочетании с недорогим и постоянным хранением информации (особенно в эпоху возрождающегося авторитаризма и институциональной слабости в развитых странах) создают невиданную угрозу нашей демократии. Другими словами: нашей свободе угрожают не те люди, которые покупают больше зубной пасты или отбеливателя, а те, которые покупают продукты Clearview.

Мы обязаны постоять за себя, заявить о наших гражданских свободах и о том, каким хотим видеть этот мир. Нужен ли нам мир, в котором любой незнакомец может сфотографировать нас и узнать о нас все? Если нет, мы должны предотвратить появление такого мира. В следующих главах я надеюсь показать вам, зачем это делать и как.

Эта книга выросла из серии статей, которые я написал для *The Economist* в первой половине 2018 года. В них говорится, как технологии меняют систему правосудия — в частности, работу полиции, тюрем и судов⁴. Я решил сосредоточиться на полиции и ее технических специалистах, потому что полиция — это, пожалуй, самое осязаемое и привычное проявление государственной власти. Если я скажу, что у Агентства национальной безопасности или правительства Китая есть технология наблюдения, позволяющая подслушивать и сохранять все наши разговоры по мобильным телефонам или отслеживать передвижения, вы, возможно, возмутитесь, но вряд ли удивитесь. Но, надеюсь, вас возмутит и шокирует, если узнаете, что эта возможность есть у каждого полицейского управления — и нет практически никакого надзора за тем, как она используется. Говоря о полиции, я действительно имею в виду государственную власть.

Когда я делал репортажи для *The Economist*, распознавание лиц было в значительной степени теорией — оно еще не стало частью жизненного опыта большинства людей. Некоторые полицейские департаменты запускали скромные тестовые программы. Где-то такие системы использовались для ограниченного круга задач, например, в 2017 году округ Вашингтон в Орегоне начал таким способом выявлять подозреваемых. Сегодня эти системы появились в терминалах аэропортов. Даже если завтра Clearview разорится, то же самое будет делать другая фирма.

Некоторые критики утверждают, будто эта технология ненадежна, и так оно и есть, особенно в Америке и Европе для цветных людей. Но суть не в этом. Распознавание лиц опасно, когда оно ненадежно: это может привести к аресту невинных людей. Но и когда надежно — все равно опасно, поскольку позволяет правительствам публично отслеживать нас в любое время. И оно становится все надежнее. Считыватели номерных знаков умеют следить за нашими автомобилями, и такие приборы можно устанавливать на любом количестве полицейских машин и городских фонарных столбов — в зависимости от политической прихоти и бюджета. Устройства, которые имитируют узлы сотовой связи и обманывают наши телефоны, вынуждая их показывать, кому мы звонили, что писали и какие веб-сайты искали, теперь помещаются в багажнике автомобиля.

Нас окружают архитектура и инфраструктура тотальной государственной слежки. Мы знаем, как это выглядит в Китае, где сейчас больше государственных камер наблюдения, чем людей в Америке. Китай использует все возможности, чтобы подавлять свободу слова и самовыражения, следить за инакомыслящими и содержать более миллиона мусульман в современных концлагерях (а если и на свободе, то под сплошным неусыпным наблюдением).

Самый острый и тревожный вопрос, который я услышал, готовя материал для этой книги, задала Кэтрин Крамп, профессор права Калифорнийского университета в Беркли, руководитель семинара права, технологий и государственной политики и содиректор Центра права и технологий Беркли. «Сейчас мы можем получить идеальную архитектуру контроля, — сказала она мне, — как у Китая. Какие демократические практики нам нужны, чтобы мы не стали Китаем?» Настоящая книга представляет собой скромную попытку ответить на этот вопрос.

1

ТЕХНОЛОГИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Какой объем государственного надзора и контроля вы готовы терпеть во имя общественной безопасности?

Я сижу на переднем сиденье полицейского внедорожника. За рулем — участковый надзиратель, очень добродушный лейтенант Лео Каррильо. Он родился и вырос в Даун-Нек, когда-то португальском районе Ньюарка Айронбаунд. Лео уже двадцать лет служит копом в Ньюарке, и его знаний об этом городе хватило бы на целую энциклопедию. Сзади сидит Марк Ди Ионно. До того как стать офицером по связям с общественностью в полицейском управлении, он двадцать шесть лет писал статьи для Newark Star-Ledger. Марк крутой, умный и опытный, с грубоватым, но добродушным характером и твердой речью. Все эти качества вместе создают завидное впечатление, что перед вами персонаж из рассказов Дэймона Раньона.

Мы ездим по городу уже около четырех часов, и каждый перекресток вызывает в памяти моих спутников массу историй. Вот пиццерия, где застрелили Вилли Джонсона. Вот

угол, где женщина пошла за молоком для своих троих детей и была ранена в перестрелке. Сюда родители возили нас за покупками, а теперь здесь склад, выдавший лучшие времена. А это Хоукс Лаунж, дверь заколочена (похоже, там ремонт), а раньше здесь было довольно мрачно.

Это вечер пятницы. Через неделю будет летнее солнцестояние, и Ньюарк гордо чистит перышки. Самый крупный город штата Нью-Джерси имеет паршивую репутацию. Если вы не из тех счастливиц, кто хорошо знает Ньюарк, он, вероятно, покажется вам достойным и смеха, и сочувствия. Возможно, вызовет те же ассоциации, что и Детройт, и Янгстаун: насилие, постиндустриальный упадок и заброшенность. Ньюарк — это Ржавый пояс* по духу, экономике и обстоятельствам, если не по местоположению: он деиндустриализировался вместе с остальным северо-востоком, и уходящую из него промышленность ничто так и не смогло заменить.

Но что вам никто никогда не скажет и что вы не поймете сами, пока не проведете здесь некоторое время: это насколько прекрасно, особенно в один из таких долгих и теплых июньских вечеров, отложить, пусть и временно, все ваши ссоры с Богом и ближними и греться в этом «жидком золоте». Здания в стиле ар-деко в центре города выглядят так, будто их искупали в меде. Прыгать через заросшие пустыри без костюма химзащиты и ботинок на толстой подошве не хочется, но с противоположной стороны улицы эти заросли выглядят как квадратики лесистого рая — со всеми цветущими сорняками и лениво жужжащими пчелами.

* Ржавый пояс, известный также как Индустриальный или Фабричный пояс, — часть Среднего Запада и Восточного побережья США, в котором с начала промышленной революции и до 1970-х годов были сосредоточены сталелитейное производство и другие отрасли американской тяжелой промышленности. — *Прим. ред.*

Проезжая мимо парка Викуахик — трехсотакрового пространства на юге, созданного сыновьями человека, который спроектировал Центральный парк Нью-Йорка, — мы слышим, как смеются и играют в пятнашки маленькие дети. Окрестности там аккуратные и уютные, пригород напоминает эпоху трамваев и скромных доходов: трехэтажные дома, разделяющие их лужайки и по автомобилю у каждого подъезда.

В этом многообещающем американском районе середины прошлого века вырос Филип Рот. Перед домом его семьи на Саммит-авеню есть мемориальная доска. Это скромный милый дом в нескольких милях к западу от парка. На протяжении всей карьеры Рот поддерживал с Нью-арком романтические (если не серьезные) отношения. Но его, безусловно, лучшее высказывание о Нью-Джерси и литературных амбициях прозвучало в романе «Другая жизнь»: «Набирая из ресторана свой домашний номер, Генри вспомнил, как после лекции, во время вопросов, один студент спросил Натана, пишет ли тот ради бессмертия. Натан рассмеялся и дал ответ, достойный его покойного брата: “Если ты из Нью-Джерси, ты можешь написать тридцать книг, получить Нобелевку, дожить до седых волос и девяноста пяти лет — и все равно маловероятно, хотя и не невозможно, что, когда ты умрешь, в твою честь назовут стоянку с туалетом на шоссе Джерси Тернпайк. И поэтому тебя будут долго помнить, но в основном маленькие дети, которые сидят на заднем сиденье машины, а потом наклоняются вперед и просят: папа, пожалуйста, остановись у Цукермана — мне нужно пописать”. Для писателя из Нью-Джерси это самое реальное бессмертие, на которое только можно рассчитывать»¹.

Группы детей постарше бродят по переулкам, начинают свои выходные у магазинов и на тротуарах, крича, флиртуя